

Артист, режиссер, драматург

Шакен Кенжетайевич Айманов не просто артист, режиссер, драматург, организатор. Он был блистательным артистом, блистательным режиссером, блистательным организатором.

...Когда мы познакомились с Аймановым, это было в 41-м. Меня прежде всего поразила его внешность — лицо казаха с лукавым прищуром умных глаз, со скулами, определявшими волю, выразительным ртом. Добавьте к этому высокий лоб, иссиня черные волосы, высокий рост, и вы поймете, что он не мог не привлечь внимания и не заинтересовать вас сразу. Меня удивило то, как хорошо владел он русским литературным языком. Конечно, присутствовал акцент, но ведь известно, что легкий акцент не портит речь, а часто делает ее более выразительной. Мысли свои Шакен выражал просто, ясно, с тонким юмором. У него были прекрасные руки с длинными пальцами музыканта. Во всем его облике присутствовал — и это сразу очаровывало — артист.

Сегодня мне кажется, что подлинное значение этого определения я уловил именно тогда, в Казахстане. Уло-

вил народный, уходящий в древность смысловой акцент слова — артист.

Многие национальные актеры, с кем встретились мы в Казахстане, еще несли на своих плечах веселый груз народного театра, яркого, острого, ярмарочного. И, будучи уже признанными артистами, они порой с восторгом вспоминали свои первые театральные шаги. Они были счастливы тем, что национальный театр теперь вырос, что он стал государственным, имеет значительные достижения, насчитывает десятки актеров, но... Но и тот ранний народный театр они не предавали в душе своей и радовались, вспоминая его шутки, его балагур-

ство, его акынский темперамент, его детскость и легкое верие.

Целая плеяда прекрасных артистов работала в то время в Казахстане: Умурзаков, Куанышпаев, Кожамкулов, Джандарбеков, Бадыров и среди них — в ту пору один из самых молодых — Шакен Айманов. Режиссер фильма «Амангелды» М. Левин говорил мне, что таких артистов, как те, с которыми ему пришлось работать в Казахстане, нигде больше нет. Я несколько раз смотрел эту картину и был воистину влюблен в Умурзакова, исполнителя главной роли.

Не могу не сказать здесь несколько слов о том, что представлял собой город Алма-Ата в те годы. После военных Москвы, Ленинграда этот город-сад нам показался подлинным чудом: его могучие, в два обхвата тополя, растущие на улицах, его прохладные арки, бегущие вдоль городских улиц, его небо с огромными звездами, и яркие непотушенные для светомаскировки фонари... В столице Казахстана разместились несколько институтов Академии наук СССР, Театр имени Моссвета, киностудия, заводы, промышленные учреждения. Жили тесно, трудно. Некоторые спортивные залы, клубы, дома культуры превратились в общежития. Занавески отделяли одну семью от другой, кое-где, как драгоценность, были поставлены ширмы.

Киностудия уже работала. Начал работать и институт кинематографии. Кинематографистам дали двухэтажный дом, который впоследствии ласково и чуть иронически был прозван «лауреатником». Там жили Эйзенштейн, Пудовкин, Дзиган, Москвин, Строева, Пырьев и многие другие мастера экрана. Снимались боевые кино-сборники, снимались полнометражные фильмы. И. Пырьев закончил картину «Сви-нарка и пастух». Был готов и мой фильм «Дело Артамоновых», который в Октябрьские дни показывался в Москве. На сцене театра выступали Марецкая, Орлова, Мордвинов. Словом, жизнь не прекращалась.

И вот однажды нас всех буквально поразил, проник в самое сердце удивительнейший спектакль. Это была пьеса веселая, солнечная, в которой бился луч, пойманный Шекспиром и переплавленный им в веселую комедию, — «Укрощение строптивой». Режиссеры-постановщики Бибииков и Пыжова создали спектакль, полный света, шуток, бешеного темперамента и нежной человеческой теплоты. Петруччо играл Айманов. Его исполнение этой сложнейшей роли оставило яркий, неизгладимый след в памяти всех зрителей. Было заметно, что актеру истинно нравится играть эту роль, что он щедро отдает себя Петруччо.

В тревожный, грозный год войны был создан превосходный спектакль, в котором слилось воедино мастерство русских и казахских артистов. Это сверкающее, полное огня и юмора зрелище как бы вселяло в нас новые силы, давало веру в скорую победу. Мы покидали театр обогащенными.

С нетерпением ждал я новой встречи с Аймановым. И она состоялась. Я начал снимать фильм «Песни Абая». До этого в театре шла пьеса М. Ауэзова «Абай». Но сценарий, который написали мы с автором, значительно отличался от сценического решения.

Мы пригласили Айманова играть роль Шарипа. Ему предстояло создать образ, созвучный пушкинскому Сальери, потому что, как и Сальери Моцарту, Шарип завидовал юному поэту Айдару. Шарип не мог смириться с тем, что Абай отверг его, Шарипа, дарования, его мировоззрение. И он отравил Айдара.

Объем статьи не позволяет мне более подробно рассказать о всей картине. Но Айманов в этой роли был настолько выразителен и точен, что не могу не сказать о нем несколько слов. Он создал на экране образ человека, внешнее поведение которого казалось незапятнанным, и в то же время это был жестокий злодей, страшный своей холодной пустотой, мраком души.

Уже тогда, в процессе съемок, нам стало ясно, что Айманов не только актер.

Что он, безусловно, пойдет в режиссуру.

На съемках фильма «Песни Абая» меня покорила одна черта характера Айманова: достаточно было прозвучать гудку, извещающему о перерыве или о конце работы, как Айманов из мрачного Шарипа немедленно превращался в веселого балагура, шутника, пел песни. И тут же внезапно он мог завести серьезный разговор, делиться своими планами, спорить об искусстве, придумывать новые эпизоды. Эти наши беседы напоминали древние встречи художников, писателей, поэтов. И все мы, старики и молодежь, были влюблены в нашего Шакена.

Следующая работа, которую мы осуществили вместе с Аймановым, была театральной. Я поставил в Казахском драматическом театре пьесу, написанную по мотивам одноименной поэмы А. Тажибаева «Ковер Номарта» — романтическую сказку о страшных жестокостях, не то чертах, не то злых духах, которые существуют, чтобы губить людей. Страшного духа зла Аяза играл Айманов. Аяз был приближенным царицы холодного сердца. Вместе они хотели погубить охотника, влюбленного в чудесную девушку. Эта работа в театре явилась для меня подлинным праздником. Удачным, как вспоминается, было оформление спектакля, мы построили сложные декорации: вращалась некая карусель, происходили сражения на копьях и мечах, менялось освещение. Очень интересными и дорогими были для меня репетиции с Аймановым. Как кружево, плел интриги его герой, ужасный и одновременно привлекательный своей красотой, своим артистизмом.

После отъезда из Алматы я продолжал внимательно следить за всеми работами Айманова, так как очень полюбил этого артиста, и не было для меня радостнее встречи, чем встреча с его искусством. С подлинным наслаждением смотрел я поставленный Ефимом Дзиганом фильм «Джамбул», где он превосходно сыграл Джамбула — мудреца, народного поэта и сына Родины. В образе акына воспел он неисчерпаемые силы народного гения, вскормленного родной землей.

Невозможно забыть знаменитую сцену, когда Джамбул во время войны импровизирует свой наказ Ленинграду. Не знаю, какой еще артист, кроме Айманова, смог бы так играть на домбре, вкладывая в это и мастерство, и опыт, и тонкое знание искусства. Поразило, каким разным на протяжении фильма было лицо Джамбула, как годы накладывали свою печать, как изменялся внешний облик, но не старился дух акына.

...Я рассказал здесь всего лишь о нескольких актерских работах Айманова. Но ведь есть еще и Айманов-режиссер, завоевавший признание и успех для казахского кинематографа.

От картины к картине рос его режиссерский талант, расширялась и обогащалась палитра мастерства. Он снял комедии «Милый доктор» и «Алдар-Косе», где сам исполнил главную роль. Он создал и другие хорошие картины.

Мне как-то довелось демонстрировать его фильм «Конец атамана» на одном из сеансов в кинотеатре историко-революционных фильмов «Прометей». Успех этой картины был огромным. Я уверен, что и сам Айманов был бы счастлив, видя, как волнует зрителей каждый кадр его последнего фильма.

Но Шакена Кенжетайевича Айманова уже нет с нами. Поистине невосполнима потеря, какую понесла казахская кинематография и казахский театр. Но я твердо знаю, что для десятков, сотен молодых артистов казахского театра и кино имя Шакена Айманова будет всегда священо. И та любовь, та доброта, с какими отмечают сегодня кинематографисты и зрители Казахстана шестидесятилетний юбилей народного артиста СССР Айманова, — еще одно свидетельство того, что его искусство всегда с нами.

Григорий РОШАЛЬ,
народный артист СССР.